

Появление новых политических фигур и политических сил в массовом сознании, в средствах массовой информации связано в последнее время почти исключительно с "позиционным эффектом" - их вхождением во властные структуры высшего уровня. Еще раз напомним о стремительном росте популярности Б.Немцова, С.Кириенко и особенно Е.Примакова, а также нового премьера С.Степашина, и о столь же стремительном его сокращении, когда выдвинувшиеся лидеры так или иначе вытесняются с политической арены (едва ли не решающим фактором при этом оказывается близость к так называемому "ельцинскому окружению"). Только Е.Примаков и отчасти С.Кириенко в значительной мере сохраняют свою популярность и сейчас. Это связано, на наш взгляд, с тем, что они пришли во власть уже в принципиально иной, уже постчерномырдинской ситуации - иной, может быть, не столько по расстановке политических сил или механизмам их взаимодействия, сколько по восприятию этого властно-бюрократического расклада общественным мнением.

После катастрофического падения доверия к Б.Ельцину, фигуре, которая структурировала все политическое пространство (пусть на самом простейшем уровне), массовое сознание ищет иной консолидирующий центр. Однако это происходит в ситуации, когда прежде приглашенные или до известной степени отнесенные на периферию политического сознания проявления ущемленного державного или имперского менталитета, изоляционизм и недоверие к Западу, ксенофобия и национализм, традиционалистские установки и патерналистский комплекс явно воскрешаются. Причем этот процесс идет при деятельном участии ряда, если не большинства, политических элит, равно как и многих каналов "четвертой власти" (напомним только о действиях военных и внешнеполитических ведомств во время балканской войны, а также о том, как их шаги, интересы и амбиции отражались в средствах массовой информации).

На нынешний день едва ли возможно говорить о наличии в стране серьезных политических сил, которые могли бы выступить новым гарантом продолжения демократических реформ в России и имели при этом достаточно широкую, устойчивую поддержку в обществе, в его наиболее квалифицированных, заинтересованных, политически вменяемых слоях. Накануне выборов такая ситуация представляется весьма тревожной.

Леонид СЕДОВ

Кризис власти в России и пути ее эволюции

Любой кризис власти - это кризис доверия к ней, и ни для кого не секрет, что в этом смысле власть в России с момента последних президентских выборов и по сей день находится в состоянии нарастающего кризиса. Он выражается в крайне низкой оценке деятельности всех избираемых институтов - президента, парламента, политических партий как в плане их эффективности, так и в отношении их честности и добропорядочности. От полного провала властные структуры спасают в последнее время лишь регулярные обновления или смены правительства, всякий раз порождающие у населения смутные надежды на какие-то перемены к лучшему и обеспечивающие каждому новому правительству довольно значительный (от 35 до 60%) аванс доверия. Эти

частности не отменяют, однако, общего негативного восприятия власти.

Это негативное восприятие во многом обусловлено тем, что ни в обществе, ни в его политической элите не сложилось общего понимания того, чем должна быть власть и как должны складываться отношения между властными структурами и подвластным населением. Любая власть - это средство или механизм, с помощью которого формулируются общие для коллектива (в частном случае страны) цели, мобилизуются коллективные усилия и ресурсы для их реализации. Это могут быть мифологические, утопические или идеологические цели, но если они внедрены в сознание масс, власть получает и легитимность, и поддержку. Такой легитимностью в лучшие свои годы располагала тоталитарная коммунистическая власть, и нынешние ностальгические поиски национальной идеи суть не что иное, как завистливые попытки нынешнего правящего слоя обрести недостающий ему источник легитимности.

Другого рода цели преследует власть в современных западных обществах. Это - прагматические цели, формулируемые путем согласования интересов составляющих общество слоев и групп и на основе общепринятых в обществе ценностей. (В отличие от идеологии, предусматривающей существование «проекта» коллективного спасения или процветания или же обоснования своего превосходства над другими коллективами, ценности определяют лишь общие ориентиры желаемого и рамки поведения индивидов и групп.)

Наконец, власть может становиться самодостаточной, корпоративной, работающей сама на себя. В этом случае она действует как посторонняя обществу «окупационная сила», облагающая остальное население всевозможными даяниями, а общество отвечает ей отчуждением, дроблением на столь же самодостаточные группы, отношения между которыми приобретают черты «политического бартера», когда вместо определенных узаконенных правил игры в действие вступают голое насилие и произвол. Характерно для такой системы и ожесточенное стремление «прорваться» во власть, приобщиться к дельце сладкого пирога властной добычи.

В нашей стране, находящейся на распутье, отношения между властью и людьми несут на себе характеристики всех этих трех типов, и вектор дальнейшего развития и та модель общественного устройства, которая будет реализована в конечном итоге, во многом зависят от того, какой ее видят живущие в стране люди. Один из недавних опросов ВЦИОМ показал, что 40% отвечающих хотели бы видеть Россию страной, «подобной странам Запада - демократической, рыночной, правовой». О возвращении в социалистический строй с коммунистической идеологией помышляют 22%, еще 22% полагают, что России необходимо «совершенно особое государственное устройство и особый путь развития». Как видим, в обществе налицо глубокий раскол, затрагивающий основные ценности и отталкивающийся от диаметрально различных картин мира. Это делает менее вероятной реализацию первых двух из указанных выше возможностей и толкает общество на путь жестких конфронтаций и противоборств.

Число людей, которых можно условно назвать «западниками», довольно велико и могло бы служить опорой для проведения более быстрых и решительных преобразований, если бы не раскалывающее самих этих «западников» сомнение в том, что осуществленные реформы направлены именно в сторону их идеала. К тому же их «западничество» носит противоречивый и непоследовательный характер. Характерным примером такой

непоследовательности может служить негативное отношение к богатству и частной собственности: 56% респондентов испытывают по отношению к российским собственникам и предпринимателям всякого рода отрицательные эмоции и лишь 29% (а не 40%, как можно было бы ожидать) воспринимают их со знаком плюс. (Возможно, правда, здесь сказывается то, что речь идет не о богатстве вообще, а о теперешних российских предпринимателях, к имиджу которых примешиваются всякого рода криминальные оттенки.) Опять-таки не все. «западники» признают заслуги реформаторов - ученых, экономистов, начавших внедрение в стране западной модели; только 30% опрошенных выражают им свою симпатию и уважение, 45% россиян относятся к ним отрицательно. При некоторых постановках вопроса обнаруживается, что число «западников», готовых поддержать «демократов» и не согласных с тем, что они «ничего не дали народу», и вовсе уменьшается до 12%. Выясняется, что понятия «инициатор реформ» и «демократ» в российском контексте далеко не синонимы и при существующей в обществе стойкой убежденности, что «демократы» обездолили народ (так думают три четверти населения), лишь очень незначительная часть людей не шарахается от названия «демократ». Соответственно и власть, называющая себя демократической, воспринимается большинством россиян не только не как реформаторская, а именно как главный тормоз преобразований, идущих на пользу людям. Отвечая на вопрос о том, что является главным препятствием на пути эффективных экономических реформ, 58% респондентов заявляют, что это коррумпированность власти, разбазаривание государственных денег и имущества; 71% убеждены, что реальная власть в стране находится в руках мафии, организованной преступности.

Внимательный анализ всей совокупности ответов, затрагивающих проблемы отношений власти и общества и перспектив их развития, позволяет выйти на примерно следующую типологию взглядов и настроений, определяющих возможные направления эволюции российского государственного и общественного устройства (в %):

- 1). «западники», в основном принимающие реформы в том виде, как они осуществляются в настоящее время, - 15;
- 2). «западники», не верящие в нынешний реформаторский курс, взывающие «других реформ» и не очень последовательные в своих взглядах на рынок, собственность и т. п., - 20-25;
- 3). сторонники возврата в социализм - 20-25;
- 4). приверженцы особого, "самобытного" пути России - 20-25;
- 5). не имеющие определенных взглядов - 15-20

Преимущественно отрицательный образ нынешней власти, сложившийся в сознании большинства представителей этих групп, не исключая зачастую и «западников», ведет к тому, что все большее число людей в стране впадает в ностальгию по советскому прошлому, идеализируя прежнюю власть и отдавая ей преимущество перед теперешней почти по всем параметрам. Так, 65% уверены, что тогдашние руководители были более авторитетными (не согласны с этим 18%), столько же - что они больше заботились о людях (не согласны 23%); 48% - что они были более сильными, решительными (не согласны 27%); 47% - более компетентными, знающими (не согласны 26%); 46% - более честными (не согласны 34%; по части честности, как видим, и прежняя власть в глазах довольно большого числа лю-

дей выглядит не слишком пристойно). Понятно, что во времена Брежнева 51% людей видят больше хорошего, чем плохого, и только 10% придерживаются противоположной оценки. Время же Ельцина негативно оценивают 72% россиян, а положительно (больше хорошего) всего лишь 5%.

Приведенные данные говорят о том, что в обществе происходит процесс реабилитации прошлого, его ретроспективной идеализации. Вместе с тем усиливаются державническая ностальгия и антизападные настроения. Только 16% не жалеют о распаде СССР, только 9% полагают, что России не обязательно надо бороться за свой статус великой державы, а 78% уверены в обратном, и только 14% полагают, что она таким статусом сегодня обладает. Разумеется, такой разрыв между желаемым и действительным не может не порождать психологической напряженности и ностальгической тяги к величию, усматриваемому в национальном прошлом. «Наше прошлое, наша история» - сегодня это главный предмет гордости русского человека, а в этом прошлом первое место занимает слава русского оружия: победа в Великой Отечественной войне (86%), освоение космоса (60) и достижения русской науки (52%).

Сравнение данных 1989 и 1999 гг., полученных по программе «Советский человек», дает возможность судить о том, как изменилось сознание людей за истекшее десятилетие, в каких направлениях идут изменения мировоззренческих и ценностных установок жителей России. Весьма показательны в этом отношении перемены в составе списка главных «культурных героев», упоминаемых респондентами как «самые выдающиеся люди всех времен и народов». Сегодня первое место в списке принадлежит уже не Ленину, число упоминаний которого снизилось почти вдвое (с 77 до 42%), а Петру I (45% вместо 39% в 1989 г.). Наравне с Лениным встал Пушкин (+ 18 пунктов; вероятно, под влиянием юбилейных мероприятий). Из сознания людей ушло представление о Ленине как корифее «науки наук» - марксизма, как ушел из списка «героев» и сам Маркс, занимавший в 1989 г. второе место (40%), а сегодня набирающий всего 5% упоминаний. Теперь почитание героев прошлого все больше связывается с былой имперской мощью и военной силой, и не случайно на четвертое место в списке великих поднялся Сталин, набравший 35% вместо 11% в 1989 г. Именно он, а не Жуков (20%) ассоциируется ныне с великой победой, а заодно и с «железным порядком», которого так не хватает российскому человеку. Это преклонение перед силой отразилось и на перечне иностранных культурных героев, значимость которых, кстати, в сумме сократилась с 59% упоминаний в списке в 1989 г. до 33% в 1999 г. (и это несмотря на гораздо более широкий доступ к информации о «заграничном»). Если десять лет назад среди упоминавшихся иностранцев на первом месте был Эйнштейн (10% опрошенных), то сегодня здесь властвует Наполеон, увеличивший свой «рейтинг» с 6 до 19%. Налицо впечатляющий рост имперско-милитаристского сознания, выбирающего себе по вкусу исторические фигуры с соответствующим звучанием. (Отметим также рост числа упоминаний Гагарина - с 18 до 26% и, что настораживает, Гитлера - с 2 до 7%). По контрасту крайне симптоматично выглядит почти полное отсутствие в списке носителей либерального сознания. Главный среди таковых - Сахаров - упоминается в 8% анкет - столько же, сколько Брежнев.

Наконец, анализируя список «великих», нельзя не отметить, что в нем на видных местах отсутствуют ныне живущие деятели. В 1989 г. в числе лидеров значился Горбачев с 18%. Надежды, связывавшиеся с его лично-

стью были велики, вождистские традиции в народе были еще очень сильными. Как ни странно, Горбачев еще и сегодня набирает больше очков, чем любой из ныне живущих героев, но его 4% означают лишь, что для сегодняшнего россиянина нет авторитетов высокого ранга, пророков нет ни в своем, ни в чужом отечестве.

Из действующих российских политиков редко, но все же упоминаются Ельцин (3%), С.Федоров (2%), Зюганов (1%), Жириновский (1%) и Примаков (1%). Похоже, что ни идея либеральных реформ, ни идея коммунистической реставрации не находят в обществе масштабного персонального воплощения. Не находит его и явно набирающая силу идейная конфигурация, состоящая в жесткой оппозиционности и коммунизму, и либерализму. В каком-то смысле именно такую конфигурацию стремится воплотить Жириновский, но он слишком карикатурен и потому не набирает достаточного количества голосов ни среди антикоммунистов, ни среди антизападников. Избиратели-«самобытники» пока что делают ставку на Лужкова и Примакова, причем к первому среди прочих явно склоняются люди с монархическими и традиционалистскими взглядами.

Рост ностальгических мотивов можно различить и в других сравнениях ответов, дававшихся на аналогичные вопросы в 1989, 1994 и 1999 г. Так, в вопросе "Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о вашем народе?" число ответивших «наше прошлое, наша история» возросло вдвое - с 24 до 48%; число ответивших «великие люди моей национальности» - с 6 до 14%; зато с 28 до 19% сократилась доля ответивших «государство, в котором я живу». Сегодняшнее государство воспринимается респондентами скорее как враждебная сила. Высказывание «Государство дает нам так мало, что мы ему ничем не обязаны» в 1989 г. находило поддержку всего 4%, опрашиваемых, сегодня же с ним соглашаются 38%. И, наоборот, суждение «Государство находится в таком положении, что мы ему должны помочь» находит только 17 сторонников вместо 40% в 1989 г. Актуальная «родина» все больше уступает место идеализированной «исторической отчизне». Так, в вопросе о качествах, которые хотелось бы видеть в детях, уже только 36%, а не 46%, как в 1989 г., называют «любовь к родине, к своему дому», а «память о своих корнях» - 20% вместо 12%. В ностальгические тона все больше окрашивается и советское прошлое. Вплоть до 1994 г. в стране было 45% предпочитавших, чтобы все оставалось так, как было до перестройки. Сегодня таких людей насчитывается уже 58% (и только 27% придерживаются противоположного мнения).

Одновременно с ностальгией по прошлому растут антизападные и милитаристские настроения, а также осознание своей принадлежности к православному религиозной общности. При этом в отношении к Западу просматривается не столько агрессивность, сколько разочарование. В годы горбачевской перестройки и в начальный ельцинский период с Западом были связаны слишком большие, почти эйфорические надежды. В 1994 г., например, поразительно большое число людей (40%) хотели, чтобы их дети выехали на постоянное место жительства за рубеж, и только 34% относились к такой возможности отрицательно. Сегодня это соотношение коренным образом изменилось: 21% хотели бы этого, а 55% отвергают такую возможность. Весьма распространено сегодня стремление защититься от западного проникновения. Так, 63% респондентов убеждены, что русские предприниматели должны иметь преимущества перед иностранными (не разделяют этого мнения только 13%).

В итоге складывается положение, когда Запад вновь начинает выступать в образе воображаемого противника России. Сегодня это представление о нем разделяют порядка 30% опрошенных. Без малого четверть жителей страны полагают, что сближение со странами Запада и свобода выезда из страны принесли России больше вреда, чем пользы (не согласны с этим 40%). Но при этом, казалось бы, благоприятном для отношений с Западом соотношении все-таки только 23% опрошенных из двух суждений - «России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни» или «России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни» - выбирают первое; 58% настаивают на втором. Точно так же 57% выбирают суждение «Русские - великий народ, имеющий особое значение в мировой истории», и лишь 36% готовы согласиться с тем, что «русские - такой же народ, как другие». Самое опасное, что можно отметить в этой связи, - это то, что в молодежной среде, у студентов и учащихся последнее соотношение носит еще более остро выраженный характер - 67:31. Так что надежды на ослабление антизападных настроений по мере подрастания молодого поколения пока что нельзя считать однозначно сбывшимися.

В понятие величия страны, государства опрашиваемые вкладывают разные вещи. Большинство (64%) считают, что это прежде всего благосостояние граждан и экономический и промышленный потенциал. Но немало и таких, для кого величие - это вопрос престижа и уважения в мире (35%), опирающегося на военную мощь (30%). Тоска по величию (и порядку) начинает сказываться в том, что влияние силовых структур в обществе признается в последние годы все более желательным. В начале 1994 г. 30% полагали, что армия пользуется в обществе недостаточным влиянием; сегодня об этом говорят 50% (соответственно о слишком большой роли тогда говорили 18%, а сегодня - 8%). То же самое наблюдается в отношении органов госбезопасности: недостаточно большое влияние их сегодня отмечает 37% (в 1994 г. - 20%), слишком большое - 16% (вместо тогдашних 27%).

Наконец, несомненным является рост если не подлинной, то по меньшей мере объявленной религиозности. В 1989 г. 64% опрошенных отвечали, что они не считают себя верующими, и только 34% причисляли себя к христианству. Через десять лет ситуация стала прямо противоположной: 54% называют себя христианами и 30% заявляют о неверии. Конечно, это «второе крещение Руси» еще не означает серьезного проникновения религии в сознание и повседневную жизнь людей. Подлинную религиозность и воцерковленность можно подметить у 6-8% людей. Так, 8% считают, что важно воспитывать в детях представление о воздаянии за грехи, и это число за десять лет выросло на 6 процентных пунктов. Церковные праздники отмечают 12% респондентов; только 6% посещают церковь не реже 1 раза в месяц и лишь 4% считают, что православие может стать сегодня идей, объединяющей общество. Однако представляется, что как средство национально-религиозной идентификации православие наверняка будет все больше использоваться антизападными и милитаристскими кругами. Попытки надавить на православных иерархов в разыгрывании антинаатовской кампании в дни балканского кризиса указывают на вполне реальное направление эволюции политического режима России в случае, если обозначенные выше антизападный (и одновременно антикоммунистический) и милитаристский тренды будут продолжены. В этом плане глубоко симптоматичными являются данные об отношении к членам религиозных

сект. При всей поверхностности собственных религиозных убеждений люди с нарастающей враждебностью воспринимают религиозное инакомыслие и инаковерие. Сегодня 37% настаивают на расправе с сектантами (5% призывают «ликвидировать», 23% - «изолировать от общества»; в 1989 г. соответственно их было 5 и 5%). Число тех, кто считает, что сектантов надо оставить в покое, предоставив самим себе, сократилось с 54 до 29%. Поразительно но из социальных групп наибольшей религиозной нетерпимостью отличаются независимые предприниматели и учащиеся, а наибольшей терпимостью - военные и работники правоохранительных органов.

Подытоживая приведенные выше наблюдения, приходится констатировать, что при нынешнем состоянии российского сознания и отмечаемых тенденциях его развития либеральная модель общественного устройства имеет мало шансов на реализацию. (Разве что будет осуществлена попытка учреждения «оксюморонного» режима «либеральной диктатуры» с опорой на поддержку со стороны Запада.) Более вероятным представляется движение в сторону умеренно антизападного и антикоммунистического православно-державного авторитарного строя («мягкая белоруссизация», по выражению А.Лившица). Именно в таком виде, похоже, России суждено войти в третье тысячелетие.

Евгений ГОЛОВАХА

Выборы президента Украины в социологическом ракурсе

В октябре 1999 г. Украине предстоит пережить очередные президентские выборы. К моменту подготовки данной статьи (июнь 1999 г.) закончилась регистрация кандидатов, которые приступили к сбору миллиона подписей, необходимых для участия в первом туре голосования. Всего официально зарегистрированы 18 кандидатов, среди которых - 15 народных депутатов и нынешний президент Украины Л.Кучма. Предвыборная ситуация находится в центре внимания украинских социологов, которые располагают ретроспективной и текущей мониторинговой информацией, позволяющей изучать отношение населения к институту президентства, особенности динамики электоральных ориентации, факторы формирования электоральных предпочтений, а также оценивать шансы кандидатов на предстоящих выборах. Рассмотрению этих аспектов политической жизни Украины и посвящена настоящая статья, в которой использованы данные ежегодных и ежемесячных мониторинговых опросов, осуществляемых ведущими социологическими центрами Украины.

Результаты ежегодного мониторинга Института социологии НАН Украины в рамках программы "Украина на рубеже XXI столетия" получены по репрезентативной для взрослого населения Украины (18 лет и старше) квотной выборке, методом раздаточного анкетирования с контролем качества заполнения анкеты интервьюером в момент ее возвращения (1800-1810 респондентов в каждом опросе). При этом соблюдался квотный принцип отбора по полу, возрасту и образованию в соответствии с региональной спецификой распределения этих социально-демографических признаков. Для обеспечения случайного отбора респондентов по заданным квотам их поиск осуществлялся интервьюерами по предварительно заданным маршрутам (метод предложен Н.Паниной). Та-

ким образом удалось сохранить преимущества квотной выборки и избежать тех ее недостатков, которые препятствуют реализации принципа случайного отбора единиц наблюдения*.

Отношение к институту президентской власти. Институт президентской власти, который возник в период формирования демократических систем в государствах, освобождающихся от абсолютизма и деспотий, оказался наиболее приемлемой формой правления и в постсоветских странах. Опыт первых лет развития Украины показывает жизнеспособность и достаточно высокий уровень легитимности данного института. Независимо от отношения к конкретным политическим лидерам, выступающим в роли президента, в обществе сохраняется преобладающая поддержка президентской формы правления.

Как и на всем постсоветском пространстве, на Украине широко распространено мнение, что именно президент должен возглавлять правительство и нести полную ответственность за политический курс и экономику страны (табл.1).

Таблица 1

"Какой, по вашему мнению, должна быть роль президента на Украине?"

(По данным опросов ИС НАН Украины; к числу опрошенных)

Варианты ответов	Май 1994 г. N=1807	Май 1998 г. N=1807
Президент должен быть главой правительства и взять на себя всю полноту ответственности за внутреннюю и внешнюю политику (как в США)	53	60
Президент должен разделить власть с премьер-министром, утверждаемым парламентом (как во Франции)	10	7
Президент должен быть главой государства, "символом нации" без властных полномочий, которые имеет премьер-министр, избираемый парламентом (как в Италии и ФРГ)	5	4
Президент Украине вообще не нужен	7	7
Затрудняюсь ответить	25	22

В этих условиях выборы президента Украины становятся ключевым политическим событием, определяющим перспективу развития страны на достаточно длительный период. Именно президентские выборы приобретают на Украине, как и в большинстве стран СНГ, первостепенное значение. Это связано прежде всего с особенностями политической культуры народа, в рамках которой реальная власть всегда персонафицирована и построена по принципу пирамиды. На ее вершине обязательно присутствие "первого лица", которое является конкретным олицетворением всей властной пирамиды и гарантом того, что на любого представителя власти (чиновника любого ранга) может быть найдена управа.

Решающая роль президента во властной иерархии отвечает преобладающим в массовом сознании патерналистским установкам и определяет отношение к прези-

Данные ежемесячного мониторинга общественного мнения на Украине (1998-1999 гг.) любезно предоставлены автору статьи президентом фирмы "Социс-Гэллуп" Н.Н.Чуриловым. Эти опросы проводились методом стандартизованного интервью по репрезентативной для взрослого населения Украины районированной случайной выборке (N=1200).